

Кейтилин I. 12 мая 298 г. АС. Кастерли Рок.

С каждым новым шагом к мастерской башне Леди Западных Земель чувствовала, что ее легкие почти не выдерживают. Воистину сводило с ума мысль о том, что правители скалы предоставили своим старым ученым такую отдаленную комнату, слишком утомительную, чтобы просто посетить ее хотя бы раз.

Кейтилин вздохнула, когда наконец добралась до верха лестницы. За углом она уже слышала, как ее младший, Бринден, возбужденно выкрикивает свои ответы.

«Это действительно так, милорд. Теперь вы можете описать символ дома Серретт?» Молодого мастера, казалось, не смутило ее внезапное появление. Его единственным подтверждением была быстрая уважительная улыбка на обычное прерывание.

Ее маленький мальчик, однако, надул грудь и выпрямился в своем кресле, делая вид, что вопрос был слишком простым. "Павлин на желтоватом поле!"

— А слова?

Бринден отчаянно пытался вспомнить их. Его очаровательный хмурый взгляд заставил Кейтилин усмехнуться.

— У меня нет соперницы, — легкомысленно добавила она, все еще запыхавшись, и опустилась на скамью в дальнем конце комнаты.

Она смотрела, как мастер и ее сын в третий раз за неделю перебирали другие различные знамена и слова; скорпион Лорха, голова петуха Свифта и разноцветные единороги на гербах многих других знамен.

В конце концов, мастер кивнул: «Может быть, нам следует пересмотреть символы других королевств. Давайте начнем с Речных земель, хм? Можете ли вы рассказать мне о главном Доме?»

Если мастер намеревался сделать ей комплимент очевидным и легким вопросом к сыну, это вряд ли произвело на нее впечатление. В последнее время его методы немного повторялись.

«Дом Талли, серебряная форель, прыгающая по красному и синему. Слова — семья, долг, честь. Место жительства — Риверран».

Бринден никогда еще не был так похож на Эдмура, называя имена всех знаменосцев родины Кейтилин. Это почти наполнило ее глаза горько-сладкими слезами.

— А что насчет Штормовых земель?

Кейтилин тоже думала, что это легко; она всегда говорила о своей сестре своим детям.

Ее сестра Лиза, которая теперь была Баратеоном по браку, была той самой причиной, по которой она оставила редкое удобство своей постели в первую очередь. Кейтилин схватила ближайшую стопку бумаг и обмакнула перо в чернильницу, написав правильное вступление к письму.

Кейтилин сочла правильным написать своей сестре о турнире, проводимом во имя Гериона и Дейенерис, настаивая на том, чтобы Лиза приехала и привела с собой свой выводок. Леди

Дженна однажды сказала ей, что лорд Роберт может даже не дожидаться приглашения принять участие в подобных мероприятиях, но Кейтилин все равно хотела получить облегчение, написав сестре.

Единственным, что когда-либо давало Кейтилин утешение в эти последние одинокие дни, была семейная болтовня по всему континенту, ее дети, преуспевающие в учебе, и большая старая септа Утеса Кастерли. Здесь ей оставалось либо развлекать надменных дам вышиванием, либо наблюдать за нескончаемой работой официантов и горничных.

Ее перо плавно скользило по тонкой узкой бумаге. Кейтилин старалась больше сосредоточиться на том, что она напишет, а не на новых вопросах мейстера о доме Тиреллов.

Дорогая Лиза...

Я молюсь, чтобы вы и ваши близкие были в добром здравии и чтобы я не опоздал с отправкой вам этого письма.

Вы, должно быть, уже слышали о турнире в честь помолвки моего сына с принцессой Дейенерис. Я искренне извиняюсь за то, что приглашение не пришло раньше; Я надеялся сначала написать его вам лично.

Долго ты писал мне о своих детях, которые действительно унаследовали от отца силу и мужество. Еще дольше я ждал встречи с ними и воссоединения с вами. У наших детей теперь есть шанс встретиться друг с другом, и я не могу дождаться, когда мы воссоединимся.

Я лично позаботился о том, чтобы подготовить ваши комнаты и палатки для вашего первенца, если он когда-нибудь захочет участвовать в турнире. Несомненно, он заставил бы вас и ваш дом гордиться им.

Мне также сказали, что победитель рукопашного боя получит десять тысяч золотых драконов, подаренных с благословения моего щедрого крестного отца. Я полагаю, что у вашего лорда-мужа были бы самые верные шансы на победу в этом отношении. Не бойся, сестра. Я уверен, что такое развлечение, наконец, успокоит его бешеную кровь.

Как будто что-то могло утихомирить бурю смеха, так это то, что в последний раз написала ей сестра. Кейтилин всегда знала, что кровопролитие в битве — даже мнимой — заставит некоторых мужчин бежать в публичные дома. И не в такой степени, как ее хороший брат, как ей неоднократно сообщали все возрастающие ожесточения в письмах Лизы. Десять тысяч золотых драконов вполне могли бы заплатить за расточительный образ жизни, который чуть не осушил казну Штормового Предела.

Кейтилин часто думала, что Лиза винит ее в этом браке, потому что младшая сестра даже не пыталась скрыть свои жалобы и обвинения среди язвительных строк, которые она иногда писала.

Даже если это действительно Кейтилин, которая когда-то должна была выйти замуж за лорда Баратеонов много лет назад, едва ли она виновата в том, что горе упомянутого лорда по своим родителям помешало ему официально оформить их помолвку.

Отец Кейтилин почти обручил ее с наследником Дома Старков еще до того, как это случилось.

Лорд Хостер начал составлять свои бухгалтерские книги, чтобы пополнить казну ее приданого. Кейтилин вспомнила, как в сентябре Лиза преклоняла колени рядом с ней, молясь Матери и

Деве, а затем, хихикая, прогуливалась по саду снаружи и сплетничала о печально известном красавце лорде Брэндоне.

Но тут случилась первая трагедия; Единственную дочь лорда Старка похитили дикари из-за стены. Скандал заставил дядю Кейтилин, сира Бриндена, сразу же забеспокоиться о судьбе, которая ждала его племянницу в таких холодных, неумолимых землях.

Ее дядя проводил дни и ночи, споря с ее отцом о помолвке. Слуги и другие лорды тоже пугали ее своим шепотом о одичалых-людоедах и неотесанных северянах. Это стало новой насмешкой и при дворе короля Эйрису; безумный король пошутил над тем, что старый волк потерял свою мохнатую девочку из-за лесных ведьм и великанов.

Лорд Старк, разумеется, ничего этого не слышал и не ответил ни одному ворону от лорда Хостера; он даже отважился выйти за стену, чтобы самому найти своего потерянного ребенка. Его наследник, который тогда был исполняющим обязанности лорда Винтерфелла, отказался обсуждать свою помолвку с Кейтилин, заявив, что сейчас не время для таких вещей, поскольку похищение его сестры все еще не решено.

Пять месяцев спустя пришло известие о том, что леди Старк умирает от разбитого сердца. Лорд Рикард, наконец, вернулся со зверями рядом с ним, а не с дочерью. Новая холодность в его глазах заставила их последнего посыльного бежать обратно в Риверран без ответа.

С этим ограниченным контактом, тревожным чувством, окружающим Север с каждым днем, не очень хорошей репутацией лорда Брэндона — и его собственным отсутствием рвения в их браке — а также падением престижа, которое могло затронуть ее дом, это все чувствовали слишком много. Кейтилин стояла в солярии своего отца, пока он извинялся перед ней, потому что помолвки с Домом Старков в конце концов не будет.

И Лиза, и ее дядя пытались утешить ее обещаниями лучшего брака, но лорд Брэндон был человеком, которого она едва знала. Его отсутствие не было чем-то, о чем она могла бы оплакивать.

Через несколько месяцев ее отец, наконец, задумал обручить ее с наследником Баратеонов, известным сильным мужчиной, всем красивым и обаятельным.

Именно Лиза фантазировала о том, какой будет жизнь (и сколько детей) у Кейтилин и лорда Роберта, с точными словами и описаниями, которые когда-то принадлежали лорду Брэндону.

Затем случилась другая трагедия: родители лорда Роберта утонули в кораблекрушении к концу того же года. Лорд Аррен посоветовал ее отцу подождать, а не подталкивать другого скорбящего мужчину к принятию помолвки и подписанию контрактов. Тем не менее, дни ожидания Кейтилин растянулись на месяцы, и все, что она могла делать вместо того, чтобы плакать, это ее молитвы.

К началу следующего года лорд Тайвин заключил контракт между своим золотым наследником и ею.

Кейтилин провела свои дни в септе в третий раз, трижды молясь Матери, Деве и Старухе о милости и руководстве. Облако неудач, наконец, рассеялось над ее головой, и Кейтилин официально обручилась с мужчиной, столь же красивым и богатым, как фантазия любой девы.

Лорд Аррен успел к тому времени подготовить свою подопечную Баратеон к браку, и ее отец тут же подошел к влюбленной сестре, которая так легко поддалась сладким утехам

девственности.

На этот раз все они почувствовали себя счастливыми, и Кейтилин забыла о неуверенности, которую она когда-то испытывала.

Все, пока не случилось последнее бедствие. Проклятие Харренхолла тоже обрушилось на голову Кейтилин; Король Эйерис во всем своем безумии думал, что Джейме был бы лучшим королевским гвардейцем, чем мужем, и ни ее отец, ни лорд Тайвин ничего не могли с этим поделать.

Для Кейтилин это стало последней каплей. Она плакала вместо того, чтобы молиться в сентябре. Она ненавидела жалкие взгляды некоторых озлобленных дев, насмешки и ухмылки Фреев и других лордов. Она ненавидела разговоры о новых помолвках и чувство вины, переворачивающее живот из-за репутации дома и ее влияния на сестру.

Больше всего Кейтилин ненавидела слабое бормотание «дева», ей хотелось напомнить всему миру, что она по-прежнему желательна, что она все еще молода, девственница и красивая аристократка, что ни одна из этих расторгнутых помолвок не была ее виной.

В конце концов, король Рейгар закончил фарс безумного ряженого после двух долгих лет; Сир Хайме наконец был уволен из королевской гвардии, но заменен сиром Бринденом. Кейтилин оплакивала потерю совета и компании своего дорогого дяди до дня своей свадьбы; ее слезы оставили соленый след на ее щеках, как раз там, где Джейме запечатлел целомудренный поцелуй для церемонии.

Во всяком случае, именно Кейтилин имела право жаловаться на судьбу своего брака и разбитое сердце, а не ее сестра.

Лиза даже имела наглость намекнуть, что принцессе Дейенерис следовало выйти замуж за своего первенца Эдрика, а не за сына Кейтилин. Она даже имела наглость жаловаться на то, что заложника Грейджоя держат в Штормовом Пределе, а не в Ланниспорте, как будто Кейтилин могла это контролировать.

Было бы абсолютным безумием держать кракена так близко к его родине, но никакие объяснения не могли унять гнев Лизы. Тем более, что рядом с ней всегда был ее подопечный Эдрик, нашептывавший истории о морях и их хлюпальцах.

К своему стыду, Кейтилин испытала более чем облегчение от того, что это не ее собственные дети находятся под влиянием мальчика Грейджоя. Она посмотрела на рыжую голову Бриндена, качнувшуюся в сторону, когда он вспомнил статус другого дома.

Едва Бринден закончил свое первое правильное предложение, как покойный лорд Бейлон забрал Железные острова из слабых рук своего умирающего отца, лорда Квеллона. Кейтилин день и ночь молилась о безопасности Джейме, пока он сражался на Пайке, прижимая своих плачущих детей к груди в переполненной старой септе Скалы.

Она испытала величайшее облегчение, когда узнала, что они победили и что король Рейегар взял голову лорда Бейлона и отправил своих братьев к стене. Не было необходимости, чтобы какие-то вероломные повстанцы скрывались вокруг.

Ужасно было только то, что один из них сбежал. Помимо того, что Лизе приходится держать в заложниках кракена, конечно.

Когда Кейтилин перестала вспоминать прошлое, ее сын уже перебирал свои слегка порванные записи и бумаги, сигнализируя об окончании утомительного урока.

Кейтилин торопливо закончила письмо, подождав, пока чернила высохнут, прежде чем туго свернуть бумагу. Бринден бросился к ней в объятия и спросил, видела ли она, сколько раз он ответил правильно. Она терпеливо слушала, пока обматывала послание золотой нитью. Через минуту он уже выбежал на улицу играть.

«Он умный мальчик. Я уверен, что он хорошо послужит своему брату», — сказал мейстер Крейлен, приводя в порядок свои карты и фолианты.

«Спасибо, мейстер. Я искренне ценю все, что вы делаете, особенно с Речными землями. А теперь, если вы не возражаете, я хотел бы отправить это письмо моей сестре. Я оставлю его вам». Она улыбнулась, а затем повернулась, чтобы уйти, остановившись на его фырканье и фырканье, когда он схватил ее письмо и нервно направился к каркающим воронам.

«Прежде чем вы уйдете, миледи, я надеюсь, вы не против сказать сиру Джейме, чтобы он посмотрел контракты для горняков на восточном холме, они уже должны были прислать три повозки неделю назад, и нам нужно нанять больше плотников для территории турнира. Лорд Тайвин настаивал на том, чтобы такими делами занимался его наследник».

Кейтилин поджала губы. Судя по тому немногому, что она знала о своем муже, он никогда не просматривал карты, записи, письма или что-либо, принадлежащее лорду-соляру. Кейтилин думала, что мейстер, по крайней мере, знает об этом, но молодой человек так же не знал о способностях Джейме — или об их отсутствии, — как лорд Тайвин отрицал это.

"Конечно." Она кивнула, тонко улыбаясь, и вышла на балкон, наблюдая за оживленным двором.

Внизу стук копыт перекрывал стук и вопли строителей и кузнецов. Все мужчины с благородным именем и достаточно хорошими доспехами в Кастерли-Рок тренировались перед турниром, оставляя в воздухе запах песка и пота, от которых женщины задыхались.

Усталые лошади ржали и скулили под деревянной галереей, пока не менее уставшие конюхи наполняли ведра и корыта остатками сена. Кейтилин проигнорировала их. Ее взгляд метался по межевым рыцарям и далеким кузенам Ланнистеров в поисках сына. Его было довольно легко найти; его темные волосы янтарного цвета заставляли его торчать, как больной палец среди волнистого золотого моря.

Пот блестел на коричневой шее его лошади, заставляя Кейтилин задуматься, как далеко готов зайти ее сын, чтобы произвести впечатление на свою принцессу в поединках. Леди Дженна, должно быть, думала так же. Она была одной из немногих, кто увидел льва за взглядом Гериона Талли. Вот почему Кейтилин предпочитала ее компанию, стоя рядом с ней и взявшись за руки.

«Четыре часа, а он еще не утомился. Напоминает мне Джейме, того самого. Вы, должно быть, очень гордитесь», — сказала леди Дженна. Кейтилин старалась не выглядеть слишком обрадованной редкой похвалой; ее покрасневшие щеки все еще свидетельствовали о том, как она ценила такие слова.

«Я молю Смита, чтобы он победил, он заставил дом Ланнистеров гордиться так же, как Джейме».

«Хм, если королевская гвардия присоединится к поединку, он точно не примет участие, и нам

еще предстоит увидеть, насколько хорош полудорнийский принц, если он не слишком слаб, чтобы соревноваться».

Кейтилин старалась не изображать удивление. Она вспомнила, как впервые кто-то из Дома Ланнистеров так отзывался о королевском принце. Это было в самый день ее свадьбы; трое пьяных Ланнистеров шутили и шутили над Серсеей с кислым лицом, разрывая одежду Кейтилин перед постельной церемонией. В следующий раз это было на собственной свадьбе леди Серсеи. Перевернутая ухмылка на лице невесты не скрывала ее слезливого бормотания о том, что она заслуживает короны, а не лорда Долины.

С годами в холодных глазах лорда Тайвина сквозила обида при упоминании о троне. Они были в несколько остроумных замечаниях леди Дженны о дорнийцах, наводнивших недавно отремонтированный Летний зал, и в довольно мрачных словах Джейме о времени, которое он провел, служа королеве Элии, тогда всего лишь принцессе.

Неудивительно, что они не были подарком от брака принцессы Рейнис и лорда Уилласа, ибо упаси боги, чтобы Ланнистер выглядел бедным или мелочным.

Кейтилин хранила эти предательские воспоминания тайно, тихо. Она заперла их в отдаленном месте в своем сознании. Каждый раз, когда она навещала их, это напоминало ей о том, как она никогда не могла понять этих гордых жителей Львиного Дома.

«Но, конечно, если ваш сын останется верхом на лошади еще на час, то единственное, что он может подарить принцессе, — это кровавую розовую корону, а не детей», — придиралась леди Дженна. Спустя четырнадцать лет Кейтилин обнаружила, что ее замечания не так умны, как она думала раньше.

«До турнира еще больше месяца. Уверяю вас, мой сын выздоровеет до того, как прибудет королевская семья», — коротко ответила Кейтилин, используя тон, который она не знала, что может говорить за пределами Речных земель.

Ее тетя, по браку, повернулась к ней лицом. Какие бы розовые пятна она ни добавила на свои щеки, ничто не сравнится с естественной красотой, которая пережила пятидесятилетний возраст, только чтобы быть потраченной впустую на Фрей без подбородка. Она цокнула и подняла бровь на поведение Кейтилин, удивленная внезапной сменой тона.

«Я не хотел обидеть, дорогая. Он молодой парень, стремящийся произвести впечатление. Но это не причина для того, чтобы он убивал и свою лошадь, и свои ноги. Пусть Джейме поговорит с ним, вместо этого заставь своего мальчика тренировать его руки». — сказала леди Дженна, указывая на мужа Кейтилин, который невозмутимо стоял в облаке пыли, оставшейся после других скачущих лошадей.

Рожденные в золотом доме Запада умели только отдавать приказы. Это было ясно. Кейтилин часто задавалась вопросом, насколько сильно потрескалось лицо леди Дженны как идеальной леди во время восстания железнорожденных.

Кейтилин только молча кивнула старухе, отказываясь уходить, пока Герион не сбил другого молодого противника первым копьём.

После этого она спустилась во двор, где находился ее муж. Он был настолько уставшим, насколько она себе представляла, окруженный слишком большим количеством воплей, криков и хрюканья павших рыцарей в возрасте за пятьдесят.

«Ваша тетя считает, что Гериону следует прекратить тренироваться. Может быть, он немного отдохнет, а потом вместо этого вы сможете обучить его фехтованию?» Кейтилин тихо сказала, положив руку на руку мужа, надеясь, что не напугает его.

Он все еще дернулся, как будто ее прикосновение было ударом молнии, поразившим его. Кейтилин не стала комментировать его вздрагивание или ерзание. Джейме всегда выглядела комфортно только в своей короткой одежде или в сияющих доспехах, это, по крайней мере, она знала. Его малиновый бархатистый камзол, казалось, чесал кожу под палящим солнцем. Это было странно; она обнаружила, что осенний ветерок был довольно холодным.

«Я не вижу, чтобы моя тетя тренировала мальчиков во дворе». Он посмотрел на нее, затем закатил глаза, глядя на ее хмурый взгляд: «О, оставьте его в покое. В любом случае осталось всего два патрона».

Кейтилин промычала в ответ, когда копьё Гериона сломалось о нагрудник другого оруженосца. Побежденный мальчик с глухим стуком упал, но быстро выпрямился и со слезами на глазах поковылял за своей лошадью. Герион сам вывалился из седла, но все-таки умудрился крепко держать поводья, пока лошадь не замедлила ход.

Другой мальчик с булавкой в виде единорога, которая идентифицировала его как оруженосца Бракса, сумел сбросить с лошади ее уставшего сына. Кейтилин ахнула, почти бросившись помогать своему ребенку, но крепкая хватка Джейми на ее запястье остановила ее.

Герион легко встал и отряхнул свою одежду, прежде чем вернуться к своей лошади и повести ее к конюшням. Он не стал дожидаться указаний Хайме и, к своему разочарованию, не подошел к ней, чтобы спросить, наблюдала ли она за другими его победами, как когда-то он в детстве.

Джейме тоже собирался покинуть ее, чтобы самому сразиться с другими рыцарями или отправиться отдохнуть в свои покои. Внезапно Кейтилин предложила ему вместо этого проводить ее в сады.

Она увидела удивление на его лице, которое разочаровало ее больше, чем когда Герион перестал просить ее объятий и советов. Кейтилин видела его краткий расчетливый кивок и ни следа любви или лести, которые сопровождали его красивое лицо всякий раз, когда он был с другими горничными и дамами.

Он не проводит ночи со шлюхами и никогда не поднимал на меня руку, напомнила она себе, думая о письмах лорда Роберта и ее сестры. Сердце Кейтилин все еще болело за себя, а не за Лизу.

Она всегда знала, что Джейме и она сама никогда не были по-настоящему близки, не так сильно, как истории, которые она выдумывала до того, как взяла на себя обязанности и суровую жизнь, которые последовали за отъездом ее матери.

Пока они медленно шли к саду, Кейтилин надеялась, что еще не поздно исправить унылое состояние своего брака. Она сжала руку в сгибе локтя мужа, а затем следила за реакцией на его лице. Это было мягко, но не отказом, что было более чем достаточно для начала.

«Здесь очень красиво и безмятежно. Вы часто приезжали сюда в детстве, или это были всего лишь тренировочные площадки?»

— В основном тренировочные площадки. Даже Серсее не очень нравились сады. Да и мальчики

все равно не проводят время с цветами и розами.

Кейтилин воздержалась от воспоминаний о том, как Эдмур собирал лилии для нее и Лизы. «Я уверен, что тогда было еще спокойнее. Все эти гудящие рабочие теперь мешают наслаждаться видом».

Он фыркнул, хмуро дернув губами: «Это было еще более уродливо, никто не заботился о садах с тех пор, как умерла моя мать».

«Ну, я надеюсь, что сады будут более живыми в память о ней, а не только для этого турнира».

Муж после этого ничего не ответил, но продолжал идти рядом с ней. Вопреки распространенному мнению и несмотря на всю свою харизматичность, Хайме не умел поддерживать разговоры с женщинами. И все же Кейтилин не собиралась сдаваться.

«Я слышал, что некоторые говорят, что принц Эйгон выберет свою будущую королеву на нашем турнире. Так же, как принц Визерис начал писать леди Исилле Ройс».

Еще одна бронзовая сучка, вышедшая замуж за брата короля, — так однажды сказал об этом браке лорд Тайвин. Кейтилин нашла эти слова еще более нелепыми, чем глубокая ненависть королевы; новый принц Саммерхолла был добрым и щедрым, уже имея сына, рожденного от жены, которой он, казалось, дорожил.

«Принц Визерис был едва взрослым мужчиной, который тогда писал многим другим девушкам, и именно по приказу своей матери и брата он, наконец, остановился на одной».

«И все же он всегда брал от нее только услуги», - возразила Кейтилин, низко кланяясь, чтобы сорвать несколько бархатцев с ближайшей клумбы, поскольку никто не собирал их для нее. «Все дамы в моей ложе говорили о том, что он короновал бы ее как свою королеву любви и красоты, если бы ты не победила его и всех остальных».

Джейме выиграл турнир лорда Тирелла после девяти сломанных копий с северным лордом. Он возложил корону из подсолнухов на голову своей сестры, а не Кейтилин, заставив Кейтилин задуматься о том, может ли она когда-либо быть в центре внимания. Впрочем, она могла бы извинить его. Всего два месяца назад его сестра потеряла в колыбели маленького голубоглазого младенца, а ее мужа, лорда Элберта, рядом с ней вообще не было.

Лиза сказала, что ее муж предпочитал держаться подальше, так как она тоже рожала. Их потеря, кто мог пропустить первые крики их сына? Тем более, что это может не продолжаться.

«Возможно, принц Эйгон все равно сможет короновать Дейенерис, турнир уже проводится на ее имя. Или на одну из его сестер, как ты».

Джейме повернул к ней голову, едва прищурив глаза: «Одна из принцесс обручена, а другая замужем, если бы Таргариен короновал своих сестер, это все равно вызвало бы скандал, как и коронация его тети. Забудьте об этом абсурде. , король Рейегар никогда бы не допустил такого».

Затем они погрузились в молчание, и он, казалось, слишком стремился покинуть ее. Вид триммеров и садовников вряд ли был поводом для нового разговора, но он, по крайней мере, напомнил ей о словах, сказанных мастером.

«В любом случае, я надеялся поговорить с вами о кое-каких приготовлениях по хозяйству.

Видите ли, в одной из шахт вашего отца возникла проблема. не говоря уже обо всех розах и украшениях, которые украсят комнаты нашей будущей падчерицы. Я надеялся, с вашего позволения, подменить последний контракт тех горняков, у которых было сто серебра...

Джейме прервал ее, уже выскользнув из ее слабой хватки на его руке: «Моя госпожа, вы можете обсудить эти вопросы с моим лордом-отцом.

— Но ваш лорд-отец сказал, что у него есть дела поважнее!

«Ну, если мой отец не хочет заботиться об этом, возможно, мой дядя или моя тетя были бы счастливы помочь вам». Джейме уже сделала несколько шагов назад, и ее раздражало то, что он так быстро уходит.

«Ваш лорд-отец настоял на том, чтобы этим занялись вы», — быстро ответила Кейтилин, наблюдая, как он остановился как вкопанный и оглянулся на нее, стиснув челюсти.

«Но, может быть, — добавила она, борясь с нарастающей в горле нервозностью, — вы могли бы вместо этого позволить мне позаботиться об этом? В конце концов, мне нужно ваше разрешение, чтобы подписать эти бумаги».

Джейме посмотрел на нее так, словно у нее выросла вторая голова. В его глазах мелькнуло сомнение, которое она нашла абсурдным; она знала, как обращаться с Риверраном еще до того, как он переключился на живую сталь.

"Вы уверены, миледи? Это может быть напряженным делом, я сам нахожу это так."

Она улыбнулась ему, надеясь, что подергивание бровей не покажет ее горя из-за его недоверия. — Очень, но уверяю вас, что я никогда не смогу быть более осторожным. В конце концов, Утес Кастерли был моим домом более четырнадцати лет. И все это для нашего сына.

Прошла минута, прежде чем он наконец согласился. Кейтилин почти видела напряжение в его голове, когда он пробормотал: «Убедитесь, что мой отец не знает. Это было бы ему очень не по душе».

Она кивнула, подойдя ближе, чтобы снова идти рядом с ним. На этот раз они направились обратно к замку, а она украдкой поглядывала на розы и сирени, лежащие на коленях горничных сзади, и медленно возилась с обручем, который Кейтилин могла только вообразить.

Однако тишина между ними казалась немного более комфортной, и Кейтилин не только терпела ее, но и почти отказывалась ее нарушать. Казалось, что время почти замедлилось, будто вес золота на ее плечах медленно исчезал.

Она провела глазами по чертам лица мужа; кошачьи зеленые глаза, доставшиеся Гериону по наследству, и острый подбородок, который она начала замечать под детским жирком Бриндена. Тот же нервный след пота щекотал его шею и окрашивал красный воротник.

«Все будет в порядке. У лорда Тайвина есть более важные дела, и он не возражал бы против того, чтобы я занялась бумагами и финансами», — снова заверила его Кейтилин.

Это казалось неправильным, судя по его вздоху, за которым вскоре последовало еще одно щелканье языком, поэтому она снова сменила тему: «Я слышала, что вы с королем Рейегаром когда-то были друзьями, когда вы еще были королевской гвардией?»

И о, как королевская гвардия была для нее все еще больной темой. Что же касается Джейме, то, похоже, он не возражал. «Королевская гвардия есть королевская гвардия, миледи. Мы не дружим с королем, мы служим и защищаем его».

«И все же я думал, что нет лучшего друга для короля, чем меч утра, твой наставник в то время, я полагаю. На что это было похоже?»

Он улыбнулся, поток приятных воспоминаний пронесся прямо перед его глазами, и именно она прорвала плотину. Они говорили обо всех историях, которые он пережил с печально известным сиром Артуром, когда приближались к дверям крепости. К концу последнего рассказа в его движениях появилось вновь обретенное удобство, а на лице появилась широкая ухмылка.

Ее сердце затрепетало при его виде. Она почти чувствовала желание выставить его напоказ перед шепчущимися горничными, которые лживо сплетничали о ее брачном ложе. Кейтилин знала, что теперь они могут ее увидеть. Она встала на цыпочки и наклонилась вперед в целомудренном поцелуе, только для того, чтобы он отдернулся, когда их губы соприкоснулись.

«Не на публике», — прошептал он, словно когда-нибудь был готов поцеловать ее наедине. Ее настроение испортилось сразу после того, как ее улыбка умерла, и она склонила голову, извиняясь, на обратном пути во двор.

Сквозь непролитые слезы вдруг засиял золотой блеск. Кейтилин моргнула, а затем посмотрела на яркий, суетливый мир вокруг нее, надеясь определить его источник.

На балконе, на котором она стояла раньше, ее крестный отец выглядел более царственным, чем любой король, в своей алой одежде, с холодными изумрудными глазами и золотым львом на груди, который снова сиял в ее сторону.

Кейтилин смотрела на него, пока он шептал команды стюарду позади. Если у нее возникнут какие-либо предположения, они обсудят сами контракты шахт, которыми она должна была управлять.

Лорд Тайвин сначала не заметил ее, но когда наконец заметил, она почувствовала, как тяжесть золота снова легла на ее плечи.

<http://tl.rulate.ru/book/85202/2746924>